

УДК 93/94

DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-36-48

АНДРЕЙ АНДРЕЕВ

Петр Великий. «Государь, которому нигде не было подобных...»

Аннотация. Статья посвящена комплексной оценке исторической роли и места Петра Великого как в отечественной, так и в мировой истории. Показана роль Петра Великого в создании базовой модели российской модернизации, раскрыты основные особенности этой модели. Значительное внимание уделяется проблеме оригинальности социального и политического творчества Петра Великого и его соратников. Обсуждается вопрос о революционном характере петровских преобразований, рассматривается соотношение в них преемственности и обновления, анализируются основные черты петровской «просветительской революции». В статье подчеркивается, что петровские преобразования не были чисто личной инициативой «самодержавного исполина», а были подготовлены всем внутренним развитием русского общества. В этой связи в статье анализируется вопрос о социальной поддержке петровских преобразований и их влиянии на социальную структуру российского общества рассматриваемой эпохи.

Ключевые слова: Петр Великий, Просвещение Петрово, российское общество, вариативность модернизации, модель развития, модель культуры, современность (modernity), «просветительская революция», российская наука, российские традиции.

XVII век в масштабах мировой истории — это время рождения современности (modernity). Современности — не в обычном хронологическом, а в социологическом смысле этого слова. Мы имеем в виду превращение традиционных средневековых обществ в общества нового типа, все более ориентированные не на воспроизводство сложившихся социальных образцов, а на управление собственной судьбой, динамичное развитие и целенаправленное преобразование мира, опирающееся на рациональное аналитическое мышление, постоянное углубление наших познаний и эффективные научно обоснованные технологии. С начала XVII в. на данную модель развития постепенно выходит и Россия. Однако решающий шаг в этом направлении был сделан в конце столетия, когда вся государственная власть сосредоточилась в руках молодого царя Петра Алексеевича, который придал процес-

Сведения об авторе: Андреев Андрей Леонидович — главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК) и Национального исследовательского университета МЭИ, доктор философских наук, sympathy_06@mail.ru.

сам модернизации невиданные до той поры радикальные формы, ускоренный темп и глубину. Итогом проведенных Петром преобразований стало превращение России из не слишком влиятельного государства европейской периферии в первоклассную мировую державу.

Хорошо известно, что петровские нововведения были навеяны знакомством с передовым в то время зарубежным опытом. И это обстоятельство часто с бесхитростной прямолинейностью трактуется как простое заимствование, перенос на русскую почву тех или иных зарубежных первообразов. На самом деле данный вопрос намного сложнее, его надо рассматривать в свете общей логики инновационного процесса, в полной мере проявившуюся еще в древности. Важны ведь не только первый проблеск идеи и первый опыт ее осуществления, но и этап «доводки», который имеет самостоятельную ценность. Так, греческие философы черпали начала математических знаний у египтян и вавилонян, однако только у греков эти знания превратились в настоящую науку, получив, таким образом, совершенно новое качество. А, скажем, знаменитая македонская фаланга, создавшая историческую славу первоначально не очень большому, теснимому со всех сторон Македонскому царству, — это тоже заимствование; будущий македонский царь Филипп перенял ее у фиванцев, но именно он, а затем его сын Александр довели это военное построение до совершенства и создали на его основе армию, завоевавшую почти весь тогдашний мир.

Петр Великий тоже осуществлял «доводку» многих возникших на Западе идей, проектов и практик, обобщая их через адаптацию к иной — российской — реальности. Однако добавим, что он, его сподвижники и прожектеры Петровского времени сами также были авторами многих оригинальных идей, часть которых была реализована на практике. Такова, к примеру, система знаменитых цифирных школ, для которой очень трудно было бы подобрать какие-либо зарубежные аналоги. И все же дело не в отдельных частностях. Несмотря на некоторую хаотичность Петровских преобразований, очень специфический («лихорадочный») ритм их осуществления и чисто ситуативный характер многих принимавшихся в то время решений, в них есть не только непреклонная целеустремленность, но и определенное стратегическое единство. Ретроспективно оценивая историческую роль Петра-реформатора с высоты понимания того, как пошла отечественная история после него, и сравнивая результаты его правления с результатами деятельности других государственных деятелей, в разное время стоявших у руля Государства Российского (включая советский период его истории), можно говорить о том, что при Петре в общем и целом выработалась адекватная как объективным условиям развития нашей страны, так и ментальности россиян оригинальная модель модернизации, которая в различных своих модификациях действовала на протяжении более чем трех столетий и, по всей видимости, остается актуальной вплоть до настоящего времени.

Главной особенностью этой модели является, во-первых, довольно радикальная для своего времени меритократическая стратегия социальной мобильности, а, во-вторых, специфическое понимание роли, функций и обязательств государства, которое заметно

отличается от принятого на Западе. Государство в этом понимании его задач не просто придает законодательную определенность сложившимся состояниям общества и исполняет роль арбитра во взаимодействии социальных субъектов, но выступает в качестве смыслополагающей инстанции, предлагающей обществу определенную матрицу «главных смыслов» и определенную перспективу развития. Связка этих двух принципов довольно долго обеспечивала стабильность созданной Петром государственной системы, несмотря на всем известные эксцессы фаворитизма и крепостничества. Но вот в пореформенной, вступившей на путь капитализма, России смыслополагающая функция государства стала быстро ослабевать, что, мы полагаем, сильно способствовало нарастанию кризиса власти и ее разрушению в феврале 1917 г. В послеоктябрьский период эта функция на некоторое время была восстановлена — правда, на совершенно другой идеологической основе; но когда в последние годы советской власти она вновь стала деградировать, уступая напору массовых потребительских настроений, исходящих в том числе и от перерождающейся советской элиты, это быстро привело страну к политической катастрофе 1990-х годов.

Характеризуя место России в мировой истории через личности и дела ее правителей, молодой Карамзин писал: «У нас был свой Карл Великий: Владимир, свой Лудовик XI: Царь Иоанн, свой Кромвель: Годунов — и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий» [Карамзин, с. 252]. Государь, которому нигде не было подобных... Фактически это означает, что инновационным, необычным и, разумеется, неповторимым явлением была как сама личность Петра Великого, так и весь стиль его деятельности. Его неумная любознательность, стремление все попробовать собственными руками чрезвычайно ярко отразило как прометеевский дух модернизации Нового времени, так и некоторые характерные особенности национальной ментальности, ту специфическую ее установку, которую Ленин в одной из статей о Л.Н. Толстом очень метко назвал стремлением «дойти до корня». Не будет преувеличением утверждать, что своим примером Петр Великий будил соответствующие склонности и в своих подданных, причем — самого разного социального положения. Именно при Петре и под влиянием его деятельности в российском обществе становится заметным новый социальный тип увлеченного исследователя и изобретателя, какими были, например, А.А. Нартов, а позднее М.В. Ломоносов. Но, называя эти известные в истории имена, не забудем при этом о лицах второго и третьего ряда — таких, как скромный екатеринбургский учитель Федор Санников, который по собственной инициативе вне службы стал заниматься «приращением науки» (его скромным вкладом в это дело стали журналы многолетних «метеорологических наблюдений»).

Петр, по меткому и очень глубокому определению А.С. Пушкина, был «революционером на троне». А Петровские преобразования стали едва ли не первым в истории примером так называемой революции сверху, что, разумеется, добавляет в характеристику выработанной в ходе Петровских преобразований модели развития черты инновационной уникальности. Повторимся: мы говорим не просто о реформаторстве и реформах (примеров реформаторской деятельности европейских и русских правителей немало

найдется и до Петра), а именно о революции. Однако этот тезис нуждается в определенных пояснениях¹.

По традиции, идущей от политической мифологии начала XVIII в., петровскую Россию было принято рассматривать как прямую противоположность допетровской Московской Руси. Традиция эта до сих пор в значительной степени определяет образы прошлого, сложившиеся и прочно укоренившиеся в массовом сознании, для которого Петр I — любимый исторический герой, равного которому не было ни в предшествующие, ни в последующие эпохи. Однако в исторической науке со времен С.М. Соловьева и его «Публичных чтений о Петре Великом» утвердилась другая точка зрения, обнаруживающая прямую преемственность государственной, общественной и культурной жизни с событиями и явлениями петровского царствования. Представление о петровских преобразованиях как о «буре», которая смела с лица земли все старые традиции и повернула русскую жизнь на новые, чуждые ей ранее пути развития, уступила место другому, более органическому пониманию связей между московской стариной и «новшествами» XVIII в. [См.: Пресняков]. Если первая точка зрения представляет Петра титаном-демиургом, создавшим «новую Россию» буквально из ничего, то вторая иной раз почти совсем отказывает ему в подлинном новаторстве, считая, что он лишь торопливо и порывисто довершал начатое при его отце, брате и сестре, делавших то же самое дело более осмотрительно, но вместе с тем и более основательно.

Как разрешить возникающее здесь противоречие? На наш взгляд, оба подхода в определенном смысле соответствуют действительности. И в тоже время сами по себе они... оба неверны. Парадокс этот можно разрешить, лишь если рассматривать их в некотором более широком контексте.

Прежде всего очень существенно то, какой личностный смысл мы вкладываем в понятие революции. Кто-то видит в них локомотивы истории, а кто-то лишь разгул насилия и смуты. Если рассматривать революционность как интегральное социологическое определение петровской эпохи и ключ к пониманию ее исторического смысла, то надо, прежде всего, вспомнить, что революции очень редко представляют собой единичные события. В большинстве случаев они группируются в своего рода серии — революционные циклы, когда в течение определенного промежутка времени («революционной эпохи») происходит чередование фаз обострения и фаз относительной стабилизации (подъема и спады революционной волны). Так, в Англии между 1640 и 1688 гг. произошло две революции, во Франции за период 1789–1870 гг. — четыре, в Испании, начиная с 1808 г. — пять, в России в XX в. — по крайней мере, три (а если считать имевшие многие черты революции коллективизацию и события августа — декабря 1991 г., то пять) и т.д. Если принять предложенное нами в наших более ранних публикациях сопоставление российской Смуты с европейскими трансформациями начала Нового

---

1 Дальнейший текст является краткой авторской версией отдельных глав из книги: Андреев А.Л. Образование и образованность в социальной истории России: от Средневековья к Новому времени. М. 2014. В данном виде публикуется впервые.

времени [Андреев, с. 89], то логично было бы рассматривать его как начало, а петровские преобразования — как завершающий акт первой в истории России революционной эпохи.

В таком контексте петровские преобразования как раз и предстают в одном аспекте как эволюция, совершенно логичное продолжение определенного направления развития (в данном случае — того проникновения в Россию европейских обычаев и образа жизни, которое начиналось еще при его ближайших предшественниках) и *одновременно*, но уже в другом событийном ряду, как разрыв, «перерыв постепенности», причем не только по отношению к старомосковской традиции, но и по отношению к тем формам освоения иноземного опыта, которые сложились при Михаиле Федоровиче, Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче. При этом, в отличие от более ранних ее стадий, революционный процесс охватывает уже не только социально-политические отношения, но и сферу культуры, начиная от государственной идеологии и кончая бытовым поведением.

Известно, что революция — это очень быстрая качественная трансформация общества, в ходе которой разрыв со старым социальным порядком осуществляется с применением насилия. Революции «ломают старое» и одновременно создают новые формы социальности. Это исходный пункт, с которого начинает любая социологическая теория, независимо от того, на каких концептуальных основах она строится и каких идеологических установок придерживается. Дальше же, как правило, указывают на конкретизирующие признаки, которые характеризуют ведущие к переменам социальные действия (активизация масс, характер и масштабы насилия, слом государственного аппарата, смена элит и др.). При помощи этих признаков, набор которых от теории к теории несколько варьируется, решается обычно общая задача разграничения революций и иных способов модификации социальных систем (таких, как «мирная» реформа или, допустим, государственный переворот). Разграничение это, однако, всегда вызывало трудности и никогда не могло быть проведено достаточно четко, что само по себе указывает на изъяны такой методологии. На наш же взгляд, гораздо важнее другое: специфической особенностью революций как таковых является то, что они являются своего рода коммутаторами режимов развития. Но не столько в старом марксистском смысле чередования относительно периодов постепенной эволюции со «скачками» от одного качественного состояния к другому, сколько в смысле перехода с линейной траектории развития на ветвящуюся и обратно. Если рассмотреть данный вопрос в рамках целостного революционного цикла, то, как нетрудно показать, открывающий его социальный кризис как раз и создает спектр новых исторических альтернатив, тогда как заключительный захлопывает все окна возможностей, кроме одного, и вновь на какое-то достаточно длительное время выводит общество на путь линейной эволюции. И в самом деле, в петровских преобразованиях нетрудно увидеть характерные признаки такой «заключительной» революции. Укажем, в частности, на то, что в ходе этих преобразований был окончательно решен вопрос о направлении и характере российской модернизации. А именно: страна бесповоротно и необратимо стала на путь модернизации сверху, проводимой

под патронажем государственной власти. Остальные же исторические возможности в результате этого были закрыты.

Одно время в литературе часто высказывалось мнение, что мотивы предпринимавшихся Петром действий и мер в конечном счете сводятся к решению узко прагматической задачи возможно более быстрого создания боеспособных вооруженных сил, способных противостоять другим европейским армиям того времени. Однако на самом деле петровские преобразования уже на ранней стадии стали приобретать черты многогранного соревновательного проекта, мотивируемого стремлением «посчитаться славой» с ведущими странами Европы. Россия отказывалась от освященной традицией сакрализации своего места в мире и становилась *одной из* многих стран Европы. Но — с целью занять среди них достойное положение, которое признавали бы (не смогли бы не признать) все остальные страны. Альтернативные этому «государственному европеизму» социально-исторические проекты, например, основанные на идеологии «третьего Рима» (именно такой вариант отстаивали, в частности, вожди раскола, чьи идеи находили отклик как у некоторых высокопоставленных представителей боярства, так и в низовых социальных слоях, в частности у посадских людей и стрельцов), со времени Петра окончательно подавляются либо оттесняются на положение маргинальных, не способных при сложившихся исторических обстоятельствах претендовать на достаточно широкое, а тем более общенациональное значение.

Рассматривая «славные дела» Петра как продолжение того, что делали его отец, старший брат и сестра, нельзя упускать из вида то, что петровская эпоха внесла в процесс модернизации не только новые темпоритмы, размах и склонность к повсеместному и скорому применению насильственных мер. По сути это была своего рода реконструкция всего проекта модернизации сверху, не только наделившая его новыми смыслами, но и разрешившая некоторые возникшие в его рамках противоречия. И, собственно говоря, именно эта реконструкция обеспечила окончательное торжество данной линии модернизации (хотя, как мы уже говорили выше, ее преобладание стало обозначаться несколько ранее). Вся петровская эпоха, за исключением нескольких первых лет, окрашена неповторимым духом романтики «практического делания» и дерзкого напора, передать который под силу лишь художнику — научные понятия для этого слишком сухи и лишены той яркой, чувственно осязаемой наглядности, которой обладают литература, живопись, кинематограф, создавшие, каждый по-своему, выразительные образы царя-преобразователя и его времени. И если возгонка конкретного многообразия событий в сферу теоретического мышления, где реальная история предстает в виде схемы исторического процесса, может иной раз привести нас к мысли о том, что во всем действительно существенном Петр лишь следовал курсу, намеченному его предшественниками, то живые впечатления убеждают в том, что петровская эпоха — это нечто *совсем другое*, чем царствования Алексея Михайловича и Федора Алексеевича.

Вряд ли надо специально доказывать, что петровские преобразования носили ярко выраженный просветительский характер. И если мы отмечаем их революционный ха-

рактически, то к этой характеристике вполне уместно добавить еще и соответствующий эпитет: *просветительская* революция. Бесспорно, просветительские тенденции дают о себе знать и при предшественниках Петра. Они проявляются то тут, то там, но... как бы независимо от государственного целеполагания, которое было основано на идее создания всемирного православного царства или, по крайней мере, консолидации православного мира вокруг Москвы. При Петре же целью становится создание «просвещенной России», вследствие чего просвещение впервые приобретает черты национального проекта.

Осуществленная в России на рубеже XVII и XVIII вв. смена культурных образцов отнюдь не была просто данью личным симпатиям и вкусам юного Петра Алексеевича, любившего наезжать в Немецкую слободу и водившего дружбу со многими ее обитателями. Конечную ее основу, несомненно, надо искать в объективно назревших, хотя в то время еще не вполне осознанных, социальных потребностях, с которыми эти вкусы и симпатии совпадали (что, с одной стороны, несомненно облегчало реализацию этих последних, но, с другой стороны, создавало Петру сильную политическую опору, компенсирующую его неприемлемую для многих экстравагантность). Стилистически русская культура XVII — начала XVIII вв. — это культура барокко, ведущим мотивом которого является беспрестанное движение, динамизм. Но тот пересмотр культурных и идеологических ориентиров, который произошел в России при Петре, привел к реинтерпретации идеи динамизма, причем достаточно радикальной. Как заметил в свое время А.М. Панченко, в польско-латинском барокко и его украино-белорусских вариациях преобладал вербальный аспект. Апофеоз слова — вот главный принцип Симеона Полоцкого и других эрудитов-латинистов, задававших тон в придворных кругах времен Алексея Михайловича и его сына Федора. Их динамизм — это динамизм причудливых словесных мозаик, сложных, нередко вычурных, искусственно напряженных словесных конструкций. В противовес этому Петр и его время отвергают самодовлеющий культ слова во имя культа дела и вещи. На место динамизма, трактуемого как производство слов, выдвигается динамизм созидания предметного мира, энергетика производства вещей (или, если говорить точнее, полезных вещей). Не случайно царя, так любившего позиционировать себя в роли «мастерового», раздражала самодовлеющая словесная изысканность, и «высоким словам словенским» он предпочитал стиль и лексику Посольского приказа.

Новому типу русской культуры, который вырабатывался в ходе петровских преобразований, соответствовала и новая модель образованности, ориентированная не на отвлеченную ученость, а на подготовку к различным предметно-практическим видам деятельности. Рядом с изоциренным мастером элоквенции, поднаторевшим в хитроумных спорах ритором, воспитанным на античной классике эрудитом, постепенно оттесняя их, возникают новые социальные фигуры — инженера, артиллериста, врача, кораблестроителя, моряка. Сфера образования настраивалась на выработку специфического «продукта», который впоследствии было принято называть «дельным человеком». «Дельный человек» петровской эпохи — несомненно, восприимчивый той «борзости» как стилия жизнедеятельности, который проявился в русской жизни уже в середине XVII

столетия. Но его отличает еще одно важное качество — особого рода компетентность, значительно выходящая за пределы чисто рецептурного знания мастера-ремесленника. Такая компетентность дается обучением, в основу которого положена трансляция от учителя к ученикам не только некоторых практически наработанных навыков, но и особого способа понимания окружающей действительности, ориентированного на воспроизведение вещей в их действительных (иначе говоря, первичных) качествах.

Речь идет об освоении результатов еще одной революции — интеллектуальной революции, происходившей в основных центрах европейской модернизации — в Италии и в бассейне Северного моря, где в XVI–XVII вв. созрели предпосылки новой науки и сформировался особый тип рациональности, соединившей эксперимент с математическим описанием реальности и рефлексивно-технологическим отношением к деятельности мышления (постановка проблемы метода и ее специальная целенаправленная разработка). Философия Нового времени ориентировалась на формирующуюся науку, которая должна была осветить все вокруг совершенно новым светом, а наука, как организованная деятельность по производству знаний, в свою очередь, должна была исходить из перспективы практического применения своих выводов с целью получения конкретных материальных результатов и овладения окружающим миром: знание — сила. В ходе становления новоевропейской науки старая ученость схоластически-книжного типа была отвергнута, а в борьбе с ней утверждалась идея изучения «великой книги природы».

В этом социокультурном и идеологическом контексте главной задачей образования как раз и становится воспроизводство в новых поколениях тех специфических форм рациональности, на которые опиралось и из которых выросло научное мышление, а также обучение характерным для этой рациональности способам понимания вещей и явлений. Если в средневековой христианской культуре отношения учителя и ученика понимались, в первую очередь, как духовное наставничество, то теперь их смысл изменился и стал интерпретироваться преимущественно как передача знаний. При этом идея научного образования постепенно сопрягалась с философской антропологией «естественного человека» и основанной на ее принципах социальной педагогикой, в результате чего образование, которое в прошлом выполняло сугубо вспомогательную функцию, заняло в культуре Нового времени место совершенно самостоятельной ценности.

Осуществленная при Петре смена культурной модели положила начало целенаправленному и сознательному культивированию научной рациональности, созданию в России ориентированного на научную рациональность образования, а затем и натурализации на русской почве самого *социокультурного института науки*. Причастность к науке приобретает значение ведущей ценности, причем не просто инструментальной, но терминальной, так или иначе связанной с идентичностью человека петровской формации.

Для более ясного и отчетливого понимания данного тезиса небезынтересно задуматься над одним характерным эпизодом пребывания Петра в Голландии, относящим-

ся ко времени так называемого Великого посольства [См.: Буганов, с. 40 - 41]. Стремясь доставить удовольствие высокому гостю, дипломатичные хозяева заложили в его честь фрегат «Апостолы Петр и Павел» с тем, чтобы строительство от начала и до конца шло на его глазах и при его участии. И здесь царя ждало неожиданное для него открытие. А именно, то, что голландские кораблестроители работают на глаз, и у них «нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципии, прочее ж с долговременной практики» [Петр I, с. 14]. Казалось бы, данная информация эмоционально совершенно нейтральна, и Петру просто надо было принять ее к сведению. Но нет, его реакция оказалась совсем иной: «тогда зело ему стало противно, что такой дальний путь для сего воспринял» [Там же]. Что же не устроило «урядника Преображенского полка Петра Михайлова»? Может быть, без знания геометрии было невозможно построить достаточно хороший корабль? Однако это не так. То, с чем Петр столкнулся на амстердамских верфях, было в те времена обычной практикой, и не доверять работавшим здесь мастерам у него не было никаких оснований. С точки зрения корабельного дела как такового, чрезвычайно эмоциональная реакция русского царя выглядит необъяснимой. Но она становится вполне понятной, если рассматривать ее как ответ на нарушение базовой для него картины мира, в котором все совершается в соответствии с наукой и в котором постигаемый научным разумом математический порядок (знаменитая петровская «регулярность») был едва ли не самым важными смыслообразующим элементом.

Вопрос об отчетливо выраженной математической ориентации петровской школы вообще весьма интересен и имеет принципиальное значение. Диктовалась ли эта ориентация только потребностями военно-прикладного характера? Несомненно, акцент на изучение арифметики и геометрии имел во многом именно такое значение. Но не только. Изучение математики в петровской школе никак нельзя свести к чисто технической выучке. Математика связана с формой мышления, а через нее — с формой культуры вообще (не случайно, кстати, в относящемся к петровскому времени проекте Академии политики также предусмотрено было преподавание арифметики, геометрии и «наутики»). Речь идет также и об определенных мировоззренческих символах, главным среди которых становилась наука, самым совершенным образцом которой, своего рода *наукой perse*, почиталась именно математика. Петр хочет не только побеждать на поле боя и занять выгодные ниши в мировом товарообмене, но, если так можно выразиться, переделать, «перекроить» россиян. Характерно, что образ России «отрожденной» (т.е. переродившейся), мотив преображения россиян в «новый народ» постоянно звучат в риторике нарождающейся «просвещенной империи» [См.: Лотман]. В этом смысловом контексте изучение математики оказывается не только приобретением неких знаний, но и средством своего рода антропологического превращения. Фактически оно выступает даже как некий «ритуал посвящения».

Специфической особенностью просветительской революции Петра Великого, была ее тесная связь с процессами перегруппировки социальных слоев. Основные элементы просвещения, включая школу, выступали в качестве инструментов трансформации общества в целом, поэтому и своей репрессивной стороной просветительская моби-

лизация начала XVIII столетия была обращена не только к социальным низам, но и к привилегированной части населения. Зато в содержательном плане образование в петровской России было менее, чем где-либо, сжато тисками социального неравенства. Несколько позже ситуация изменится, но «в начале славных дел» российская разносословная школа была по меркам того времени необычайно демократичной. Кстати, этот специфический социальный профиль в сочетании с использованием чрезвычайно радикальных мер также придает просвещению Петровской эпохи характерно революционный облик. Например, по ведомостям 1714 г. в московской Навигацкой школе из 190 учеников было всего 29 дворянских недорослей (чуть больше 15 %), остальные же — дети солдат, подьячих, приказных, посадских, дворового чина и др.; особо отмечены, кроме того, три человека «польской породы». В московской военно-инженерной школе из 100–150 положенных по штату учеников 2/3 должны были быть дворянами. Но вряд ли эта пропорция выдерживалась на практике. Во всяком случае в 1720 г. Военная коллегия постановила направить сюда 100 юношей «из всяких чинов людей» [Рождественский, с. 11–13]. Точно так же в артиллерийскую школу в 1716 г. велено было набрать для обучения соответствующим наукам «добрых людей из низших пород». [Там же].

Не приходится сомневаться в том, что значительная часть, если не большинство, населения видело в «просвещении Петровом»¹ своего рода напасть, а рекруты, попавшие в водоворот «просветительской мобилизации», сплошь и рядом стремились ее избежать или дезертировать. Но можно ли ограничиться только констатацией того, что указы о школах, как и все остальные петровские распоряжения, очень часто «писаны кнутом», а население, естественно, старалось от этого кнута уклониться?

Поучительно в этом плане сравнить российскую ситуацию с тем, что почти одновременно происходило в Турции, искавшей свои ответы на ту же проблему отставания от европейского научно-технического прогресса Нового времени.

Если судить по внешним, поддающимся непосредственной и прямой оценке критериям, турецкая модернизация стартовала, пожалуй, с более высокой точки, чем российская. В XVII в. только в Стамбуле было около 65 учебных заведений повышенного уровня — медресе; начальные же школы при мечетях имелись практически в каждом квартале. Претендовать на высшие должности в империи могли лишь выпускники нескольких самых прославленных медресе (Баязида, Аяя София, Мехмета Завоевателя и Сулеймана Великолепного). Отметим, что на берегах Босфора существовали еще и специальные учебные заведения для изучения «благородной медицинской науки» [См.: Мантран, с. 253 - 263]. Допетровская Москва выглядит на этом фоне более, чем скромно.

Необходимость осваивать европейский опыт была осознана турецкой политической элитой лишь ненамного позже, чем российской. Еще в 1720 г. во Францию было на-

---

1 Выражение М.В. Ломоносова.

правлено посольство, которому было предписано внимательно изучить достижения этой страны в промышленности, науке и культуре. Наконец, в самом конце XVIII в. султан Селим III попытался окончательно переломить ситуацию и провести далеко идущие системные реформы, взяв за образец в том числе и петровские преобразования. Как и русский царь, молодой султан начал формировать обученные по-новому воинские части, открывал военные школы для подготовки артиллеристов, моряков и инженеров (преподавателями были в основном французские офицеры), старался содействовать распространению научных знаний, для чего при его поддержке была создана библиотека европейских книг. Реформы Селима III (Низам и-джедид) способствовали возникновению в османской элите небольшого, но довольно влиятельного интеллектуального ядра, выступающего в качестве проводника западного влияния. Однако завершились они совсем не так, как петровские преобразования. Поддержанный религиозным авторитетом улемов мятеж янычар (в которых можно видеть своеобразный аналог стрельцкого войска) положил конец правлению Селима. При этом жертвами трагических событий стал не только сам султан-реформатор и близкие к нему сановники, но и некоторые турецкие интеллектуалы.

Как видим, в ситуации утверждения новых форм просвещения был возможен не только «петровский» вариант развития событий. Наверное, Петр был более решительным и энергичным правителем, чем Селим, хотя самодержавной власти ни тому, ни другому было не занимать. Но как бы мы ни относились к первому императору Всероссийскому и его окружению, личные качества монархов для объяснения обсуждаемых нами различий отнюдь не достаточны. Новое в петровской России идет не только извне, и оно не просто насаждается, но в то же время как бы прорастает рядом с традицией, а иногда и вырастает непосредственно из нее самой. Так, если в Турции учащиеся медресе (софты) выступали в качестве сплоченной группы против любых преобразований и противились даже таким нововведениям, как использование в школах географических карт [См., в частности: Желтяков, Петросян, с. 14], то в России один из виднейших представителей церковной иерархии архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий в 1700 г. лично составил для Петра I небольшой, но имевший большое значение для военно-топографических изысканий на Севере географический путеводитель «Описание трех путей из державы царского величества ис поморских стран в Швецкую землю и до столицы их». Вообще же Холмогорский владыка известен историкам не только своей широкой культурной эрудицией (голландский путешественник Корнейль де Бруйн, в частности, характеризует его как любителя изящной литературы), но и разносторонними естественнонаучными интересами. С нашей точки зрения, особенно примечательно то, что речь сейчас идет отнюдь не о воспитанном в католических коллегиях поклоннике западной учености, а о представителе коренного великорусского духовенства, одном из активных деятелей «греческого» направления, в свое время сыгравшим ключевую роль в их полемике с «латинствующими».

Российский социум, каким он был к моменту воцарения Петра, — это беспокойный, деятельный и вместе с тем «любопытный» социум, ревниво присматривающийся к опыту и достижениям других народов. Из драматического опыта столкновения с За-

падом, которое потребовало предельного напряжения сил, вырос напряженный дух состязательности, побуждающий русских людей постоянно доказывать на деле свою способность стоять на уровне ведущих (или признаваемых за таковые) стран и народов. Не случайно в инициативных проектах петровской эпохи также говорится о том, чтобы сравняться со всеми европейскими государствами «во всех свободных науках» [Салтыков, с. 58]. Причем вопрос ставился отнюдь не только в плане подготовки технических кадров, умеющих не хуже «немцев» решать те или иные прагматические задачи, но и ради стяжания себе «умного имени» [Там же]. Последнее означает, между прочим, что знание «свободных наук» приобретало некий этический смысл, становилось ценностной категорией, задающей меру достоинства отдельных людей и целых человеческих общностей (в том числе государств).

Петровская просветительская революция открывала перед социально активной частью дворянства (да и свободного населения вообще) совершенно новую перспективу. И как бы ни тяготили новые обязанности многочисленных «простаковых», люди с высоким уровнем личных амбиций (а именно они всегда образуют наиболее активную и дееспособную часть социальной группы) не могли этого не заметить. Одновременно происходила и своего рода реконструкция элиты. Новая идеология формировала смысловое поле, в котором становилась возможной и приемлемой интеграция старинной аристократии с дворянством, а с другой стороны — пополнение последнего отдельными даровитыми выходцами из низших сословий. Это придало всей социальной системе дополнительную степень динамизма, запас которого обеспечивал достаточно успешное развитие страны на протяжении почти целого столетия.

Создаваемый Петром «чин учимых» предполагал новую социальную иерархию, которой в допетровской России не было. Эта иерархия, правда, не отменяла сословную, но отчасти ее дополняла, переплеталась с ней и в конечном счете даже трансформировала ее в соответствии со своей собственной логикой. По мере того, как компетентность, основанная на рациональном понимании предмета деятельности, а в конечном итоге — на научном знании, все больше требовалась в самых разных сферах жизни общества, она приобретала значение *социального капитала*. Собственно, тенденция эта обозначилась еще задолго до петровских преобразований. Однако реально использовать свои познания как капитал можно было только ситуативно — выдвигались люди, лично замеченные государем или его ближними. Реально такое положение вещей давало неписанные преимущества знати и столичному дворянству, которые по самому своему положению были на виду. Из них в основном и черпались кадры на сколько-нибудь заметные должности, в том числе и в провинции.

В отличие от этой практики, знаменитая «Табель о рангах» создавала публично-правовое пространство восходящей мобильности. Теперь продвижение формально ставилось в зависимость от успешного выполнения тех или иных служебных функций, дифференцированных по уровню ответственности и сложности. Таким образом, возникали одновременно и механизм, и алгоритм конвертации знаний и квалификаций в статусные позиции, включая доступ отнюдь не родовитых, но дельных людей в «пер-

венствующее сословие». Конечно, на практике конвертация эта была далеко не прямой и вовсе не независимой от разного рода субъективных факторов. Но все же механизм действовал. Безусловно, в первую очередь это касалось военной службы, но там, помимо профессиональной подготовки и талантов, вознаграждались храбрость, решительность, способность переносить лишения и рисковать собственной жизнью. Гражданская служба, где значение образованности и обширных познаний в значительно меньшей степени заслоняется значением других качеств, вознаграждалась значительно скупее. В еще большей степени это касается собственно ученых занятий, которые не имеют непосредственного отношения к исполнению функций государственного управления. Однако и этот путь, начиная с эпохи Петра, позволял занять если и не слишком высокое, то во всяком случае достаточно заметное место на социальной лестнице.

Литература

- Андреев А.Л.* Образование и образованность в социальной истории России: от Средневековья к Новому времени. М. 2014.
- Буганов В.И.* Петр Великий и его время. М. 1989.
- Желтяков А.Д., Петросян Ю.А.* История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века). М. 1965.
- Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л. 1984.
- Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб. 2002.
- Мантран Р.* Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. М. 2006.
- Петр I.* Предисловие к Морскому регламенту // Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858.
- Пресняков А.Е.* Три столетия // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: В 6-ти т. Т. 1. М. 1991.
- Рождественский С.В.* Очерки по истории систем просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб. 1912.
- Салтыков Ф.С.* Пропозиции // Антология педагогической мысли России XVIII века. СПб. 1891.